

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. НЕИЗГЛАДИМАЯ ПЕЧАТЬ, ИЛИ ПРИЧУДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ	7
Глава 2. О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ МЕРТВЫЕ, ИЛИ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ	141
Глава 3. ЯД, ИЛИ ИСТИННЫЕ И ЛОЖНЫЕ ПУТИ СУДЕБНОЙ ТОКСИКОЛОГИИ	222
Глава 4. НА ГРАНИ ВОСПРИЯТИЯ, ИЛИ ПУТЬ СУДЕБНОЙ СЕРОЛОГИИ	346
Глава 5. СЛЕДЫ В ПЫЛИ, ИЛИ ЭТАПЫ СУДЕБНОЙ ХИМИИ И БИОЛОГИИ	559
Глава 6. БАЛЛАДА О ПУЛЕ УБИЙЦЫ, ИЛИ ПУТИ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКИ	704

Глава 1

НЕИЗГЛАДИМАЯ ПЕЧАТЬ, ИЛИ ПРИЧУДЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

1

Когда в 1879 г. Альфонс Бертильон, письмоводитель Первого отделения полицейской префектуры Парижа, вывел криминалистику из тупика, в который она тогда зашла, ему было 26 лет, а французской уголовной полиции — 70. В то время Сюртэ («Безопасность»), как называли французскую уголовную полицию, пользовалась всеобщей славой и считалась колыбелью уголовной полиции вообще, а ее семидесятилетняя история исчислялась со времен Наполеона.

Существовавшие до Наполеона полицейские службы во Франции занимались не столько раскрытием уголовных преступлений, сколько выслеживанием и арестами политических противников французских королей. Но и позже, во второй половине наполеоновской эры, у Анри, шефа созданного для борьбы с уголовными преступлениями Первого отделения парижской полицейской префектуры, было в подчинении всего 28 мировых судей и несколько инспекторов. Парижские улицы стали в то время подлинным раем для многочисленных грабителей и воров. Только в 1810 г., когда из-за Наполеоновских войн ослабли все социальные связи и волна преступлений грозила затопить весь Париж, пробил час рождения Сюртэ и наступил поворотный момент в судьбе одного человека — основателя Сюртэ Эжена Франсуа Видока, человека, чью деятельность невозможно оценить однозначно и тень которого, казалось, даже через двадцать лет после его смерти еще витала над Сюртэ.

До 35 лет жизнь Видока представляла собой цепь сумбурных приключений. Сын пекаря из Арраса, Видок побывал актером и солдатом, матросом и кукольником, наконец стал арестантом (за то, что избил офицера, соблазнившего одну из его подружек), совершившим несколько дерзких побегов. Ему удавалось бежать из тюрьмы то в украденной форме жандарма, то прыгнув с головокружительной высоты тюремной башни в протекающую под ней реку. Но всякий раз его ловили, и в конце концов Видок был приговорен к каторжным работам и закован в цепи. В тюрьмах Видок годами жил бок о бок с опаснейшими преступниками тех дней. Среди прочих — с членами знаменитого французского клана Корню. Члены этого клана убийц, приучая своих детей к будущим преступлениям, давали им для игр головы мертвецов.

В 1799 г. Видок в третий раз бежал из тюрьмы, на этот раз удачно. Десять лет он прожил в Париже, торгуя одеждой. Но все эти годы бывшие сокамерники угрожали Видоку, что выдадут его властям. Возненавидев шантажистов, он сделал самый решительный шаг в своей жизни: отправился в префектуру полиции Парижа и предложил использовать для борьбы с преступностью приобретенный им за долгие годы заключения богатый опыт и знание уголовного мира. Взамен он просил избавить его от угрозы ареста за прежние дела.

Семь десятилетий спустя некоторые представители Сюртэ уже испытывали известную неловкость, когда речь заходила о Видоке и о рождении Сюртэ. Уж слишком не вязалась биография последнего до 1810 г. со сложившимися за 70 лет представлениями о происхождении и жизненном пути не просто полицейского, а шефа уголовной полиции. К этому времени всеми была забыта тяжелейшая ситуация, заставившая тогда Анри — шефа Первого отделения, и барона Паскье, исполнявшего обязанности префекта полиции Парижа, принять беспрецедентное решение: поручить Видоку возглавить борьбу с преступностью в Париже.

Для того чтобы скрыть от деклассированных элементов истинную роль Видока, его сначала подвергли аресту, а затем, устроив очередной успешный побег из заключения, выпустили на свободу.

Вблизи префектуры полиции, в мрачном здании на маленькой улочке Святой Анны, и обосновался Видок. В выборе сотрудников

он руководствовался принципом: «Побороть преступление сможет только преступник». Вначале у Видока работало всего 4, потом 12 и затем уже 20 бывших заключенных; он выплачивал им жалование из секретного фонда и держал в строжайшей дисциплине.

За один только год Видок с двенадцатью сотрудниками сумел арестовать 812 убийц, воров, взломщиков, грабителей и мошенников, ликвидировал притоны, в которые до него не рискнул сунуться ни один мировой судья или инспектор.

На протяжении 20 лет организация Видока (которая вскоре стала называться «Сюртэ») разрасталась и крепла, став тем ядром, из которого развилась впоследствии вся французская криминальная полиция.

Тысячеликие перевоплощения, тайные проникновения в притоны, инсценированные аресты, «подсадка» сотрудников Сюртэ в тюремные камеры, организация затем их «побегов», даже инсценировки смерти сотрудников после выполнения ими заданий — все это обеспечивало Видоку непрерывный поток необходимой информации.

Доскональное знание преступного мира, его членов, их привычек и методов преступлений, терпение, интуиция, умение вжиться в образ наблюдаемого, потребность быть в курсе каждого дела, дабы никогда не потерять «чутья на преступника», цепкая зрительная память и, наконец, архив, в котором были собраны сведения о внешности и методах «работы» всех известных ему преступников, составляли прочную основу успешной деятельности Видока. Даже когда для Видока стало невозможным скрывать далее свою роль шефа Сюртэ, он все равно продолжал систематически появляться в тюрьмах, хотя бы для того, чтобы запоминать лица уголовников.

Лишь в 1833 г. Видоку пришлось выйти в отставку, так как новый префект полиции Анри Жиске не захотел мириться с тем фактом, что весь штат уголовной полиции Парижа состоит из бывших заключенных. Деятельный Видок тут же открыл частную детективную контору (пожалуй, первую в мире), стал преуспевающим дельцом и писателем, не раз подсказывал сюжеты для романов великому Бальзаку, так что остаток своих дней он прожил весьма интересно. Скончался Видок в 1857 г.

Преемниками Видока на посту шефа Сюртэ стали представители буржуазии: Аллар, Канле, Клод, а в 1879 г. — Гюстав Масэ.

Сюртэ пережила четыре политических переворота во Франции: от Наполеона — к Бурбонам, от Бурбонов — к июльской монархии Луи Филиппа Орлеанского, от июльской монархии — к империи Наполеона III, от Наполеона III — к Третьей республике.

Из мрачной штаб-квартиры Видока на улице Святой Анны Сюртэ переехала сначала в не менее мрачное помещение на Кэ-д'Орлож и наконец разместилась в здании префектуры на Кэ-д'Орфевр. Теперь здесь работало несколько сотен инспекторов, а не двадцать сотрудников, как во времена Видока. Подчиненные Видока с уголовным прошлым уступили место более или менее почтенным обывателям. Но ни Аллар и Канле, ни Клод и Масэ, по сути дела, никогда не отказывались от методов работы, которые ввел в практику Видок; более того, число бывших преступников, которых они привлекали в качестве оплачиваемых сотрудников и филеров, постоянно росло.

Высланных из Парижа, но все же незаконно возвратившихся в него уголовников при повторном аресте ставили перед выбором: либо работать на Сюртэ, либо снова угодить за тюремную решетку. Сюртэ по-прежнему не пренебрегала и внедрением своих агентов (их называли «баранами») в тюремные камеры, чтобы те входили в доверие к своим соседям и хитростью добывали у них нужную информацию. Сами инспекторы регулярно посещали тюрьмы и приказывали водить вокруг себя в тюремном дворе заключенных для того, чтобы, как некогда Видок, тренировать «фотографическую память» на лица, запечатлевая их в своей памяти. Такой «парад» оставался самым распространенным методом опознания ранее судимых преступников, а иногда помогал найти среди заключенных тех, кто разыскивался за совершение других преступлений.

Архив Видока превратился в гигантское бюрократическое оружие. Горы бумаг в беспорядке валялись в мрачных и пыльных, освещенных газовыми рожками помещениях префектуры. Здесь на каждого избобличенного преступника была заведена карточка. В нее заносились: фамилия, вид совершенного преступления, судимости, описание внешности; в сумме таких карточек

было собрано около пяти миллионов. И количество их все возрастало, поскольку к тому времени проверке стали подвергаться все гостиницы и заезжие дворы и даже учитывались все приезжающие иностранцы. К тому же, с тех пор как в 40-х гг. в одной из брюссельских тюрем стали фотографировать преступников, число их портретов, накопленное парижской префектурой, составило 80 тыс. штук. Однако как бы ни восторгались иностранцы быстрым разоблачением в Париже преступников, бежавших туда из своей страны, и какие бы ни рождались легенды о парижской полиции, Сюртэ в 1879 г. была уже поражена глубоким кризисом.

2

Так и остаются великой тайной Истории те правила и мерки, по которым она выбирает своих пионеров и героев. Более чем странный, казалось бы, выбор был сделан ею, когда именно в Альфонсе Бертильоне она угадала способность вывести из скрытого кризиса криминалистику и открыть в ней новую эру.

Альфонс Бертильон был худым молодым человеком, на бледном лице которого застыло печально-холодное выражение. У него были медлительные движения и невыразительный голос. Он страдал диспепсией, носовыми кровотечениями и страшными приступами мигрени, вследствие чего он был настолько малообщителен и замкнут, что производил прямо-таки отталкивающее впечатление. К его замкнутости присовокуплялись недоверчивость, сарказм, холерическая злобность, нудный педантизм и абсолютное отсутствие чувства прекрасного. Он был настолько лишен музыкального слуха, что во время военной службы ему приходилось отсчитывать отдельные звуки, издаваемые трубачом, чтобы отличить сигнал «подъем» от сигнала «сбор».

Один из его немногочисленных друзей подтвердил впоследствии, что у него «неописуемо дурной характер». А когда весной 1879 г. одному из посетителей префектуры сказали, что этот Бертильон — сын уважаемого врача, статистика и вице-президента Парижского антропологического общества доктора Луи Адольфа Бертильона и внук естествоиспытателя и математика Ахилла Гийара, тот не поверил и разразился неудержимым хохотом.

Действительно, трудно было себе представить, что сына и внука таких видных людей трижды исключали из лучших школ Франции за неуспеваемость и из ряда вон выходящее поведение. А из банка, куда его приняли учеником, он был уволен уже через несколько недель. И в Англии, будучи домашним учителем, он тоже никому не пришелся по нраву. Наконец, только благодаря связям его отца молодого Бертильона приняли помощником писмоводителя в префектуру полиции.

Рабочее место Бертильона находилось в углу одного из больших залов, загроможденных картотеками на всех французских уголовников. Летом в этом углу было нестерпимо жарко, а зимой так холодно, что приходилось писать в перчатках, а ноги буквально коченели. Здесь, поодаль от других, сидел Бертильон и заносил в карточки данные, полученные полицейскими служащими при арестах и допросах подозреваемых.

Холодной весной 1879 г. он тоже был занят переписыванием примет личности преступника. Его закованные пальцы заносили в карточку вышедшие из-под пера инспекторов, работавших по старинке, шаблонные описания типа: рост — «высокий», «низкий», «средний»; лицо — «обычное», «без особых примет». В общем, это были определения, подходящие для характеристики тысяч людей. На карточках имелись приклеенные фотографии, сделанные фотографами, считавшими себя «художниками». Соответственно и были сделаны снимки — скорее «художественные», чем четкие, а зачастую даже искаженные, ибо арестованные противились фотографированию.

Все, что проходило через руки Бертильона, наглядно свидетельствовало о том глубоком кризисе, в котором оказалась Сюртэ. Со времен большого триумфа Видока и созданных им методов преобразился мир, изменилось общество, а вместе с ними — облик и сущность преступности. Но эти изменения еще вряд ли осознавались общественностью. До 1879 г. лишь немногие ученые делали более или менее серьезные попытки выявить социальные, биологические, психологические корни преступности и ее динамику. Среди них можно назвать бельгийского астронома и статистика Адольфа Кетле, посвятившего несколько десятилетий своей жизни попыткам использовать статистиче-

ские методы при изучении преступности и вычислить, насколько велика доля преступников в человеческом обществе.

В свою очередь итальянский психиатр Чезаре Ломброзо принял обширное исследование физиологии и психологии преступников. Для этого в тюрьмах и психиатрических больницах города Павии он обмерил черепа большего числа преступников и в результате пришел к выводу, что у каждого преступника есть определенные аномалии в строении черепа, которые уподобляют его в большей степени, чем других людей, животному. Преступник, по словам Ломброзо, — это атавистическое явление, так сказать, шаг назад в развитии человечества. Следовательно, преступником рождаются. Вышедшая тремя годами раньше, то есть в 1876 г., книга Ломброзо «Преступный человек» получила известность и за пределами Италии и привлекла внимание по крайней мере некоторых ученых к феномену преступника. В остальном же преступность принималась просто как явление, с которым нужно бороться посредством применения наказаний, и продолжала оставаться совершенно неисследованной областью.

Но нельзя упускать из виду то немаловажное обстоятельство, что в 1879 г. эта проблема выглядела совершенно иначе, нежели в начале века. Во всяком случае, стало очевидным, что с ростом населения и дальнейшим развитием промышленного производства постоянно росло и количество преступников. Феноменальная память Видока на лица преступников была единственной в своем роде, но теперь не хватило бы даже сотни видоков, чтобы запомнить лица бесчисленного количества преступников всевозможных категорий, всплывших на поверхность огромной трясины больших и малых преступлений в 80-х гг. XIX столетия.

С ростом общего культурного и образовательного уровня населения вырос и интеллектуальный уровень преступников. В тюрьмах многочисленные «бараны» были не в состоянии выведать нужную им информацию у сокамерников, менявших для сокрытия прежней судимости свои имена и внешность. Все реже удавались старые провокационные трюки инспекторов, притворявшихся добрыми знакомыми заключенных. Ничего не давали и установленные за опознание преступника премии. Наоборот, они приводили к тому, что инспекторы все чаще заключали сделки с жадными

до денег заключенными и с их согласия клятвенно заверяли, что данный заключенный и есть разыскиваемый преступник. Премию инспектор делил затем со своим сообщником. Результатом этих сделок было обилие судебных ошибок, чреватых тяжкими последствиями, атмосфера неуверенности, некомпетентности и обмана.

То, что Видоку служило лишь подспорьем к памяти — его картотека, — превратилось волей-неволей в основное средство идентификации преступников. Но картотека теперь настолько разрослась, что стала необозримой и потому почти непригодной. Систематизация ее по именам была бессмысленной, поскольку воры, взломщики, фальшивомонетчики, мошенники и убийцы все время меняли свои имена. Систематизация по возрасту и категориям преступников и способу совершения ими преступления больше не годилась, ибо не позволяла разбить картотеку на сравнительно небольшие подразделы, которые было бы легче просматривать. Польза от фотографий тоже стала весьма сомнительной: практически было немисливо среди 80 тыс. снимков отыскать фотографию ранее судимого для сличения с фотографией вновь арестованного. Регистрация описаний внешности была столь же бесполезной, как и алфавитный указатель фамилий преступников. В особо важных случаях инспекторы и писари днями рылись в фототеке только для того, чтобы найти фотографию какого-нибудь одного преступника, имевшего судимость. Таков был раздираемый внутренними противоречиями мир, в котором сложились первые и самые глубокие впечатления Альфонса Бертильона о работе полиции и Сюртэ.

3

Бертильон начал работать помощником письмоводителя с 15 марта 1879 г., а через четыре месяца выяснилось, что история сделала удачный выбор, направив именно его в пыльный угол полицейской префектуры Парижа.

У Бертильона был действительно тяжелый характер, и потерпел он в жизни немало крушений, но важнее другое (и именно это сыграло теперь решающую роль) — он вырос в семье, члены которой были в числе тех, благодаря кому XIX век стал веком расцвета естествознания. Атмосфера родительского дома была наполнена

тем духом неукротимой любознательности и стремлением познать закономерности природы, которые уже за несколько десятилетий до рождения Альфонса разрушили все традиционные барьеры верований и мировоззрений. Еще с раннего детства Бертильону было знакомо имя Чарлза Дарвина, совершившего своей книгой «О происхождении видов» переворот в науке, ибо он поколебал библейскую легенду о сотворении мира и доказал, что все живое — результат длительного процесса биологического развития. Бертильон слышал и о Луи Пастере, чье открытие бактерий революционизировало медицину; о Дальтоне, Гей-Люссакке, Берцелиусе — людях, сделавших поразительные открытия в химии. Он был наслышан об атомах, о физиологах и биологах, раскрывших тайны жизненных процессов у человека и животных.

Мальчик, присев у ног деда, наблюдал, как тот изучает растения, подразделяя их на виды и семейства и систематизируя в алфавитном порядке. Он видел, как дедушка и отец, словно священнодействуя, измеряли человеческие черепа различных рас, пытаясь обнаружить и объяснить, есть ли связь между формой головы и умственным развитием человека.

Не сосчитать, сколько раз слышал он имя Кетле — человека, занимавшегося не только криминалистикой, но и пытавшегося доказать, что развитие человеческого организма подчинено вполне определенным законам. Еще ребенком он с отцом и дедом простаивал перед «кривыми Кетле», показывающими, как в зависимости от размеров человеческого тела можно распределить в определенном порядке всех людей. Конечно, существует множество великанов, схожих между собой, как близнецы; есть люди очень высокие и очень низкие, есть просто высокие и просто низкие, но большинство — это люди среднего роста.

Бертильон годами сопереживал отцу и деду в их попытках проверить утверждения Кетле о том, что на свете нет двух человек с совершенно одинаковым строением тела и что шанс обнаружить двух одинаковых по росту людей равен 1:4. Бертильон был не способен восторгаться латынью или другими дисциплинами, преподаваемыми во французских школах, но впечатления детства, возникшие в те моменты, когда он наблюдал за работой отца и других антропологов, никогда не изгладились из его памяти.

В июле 1879 г., когда над Парижем повис зной, а Бертильон с повседневной, отупляющей методичностью заполнял и копировал то ли трех-, то ли четырехтысячную карточку, его осенила идея. Она возникла — как он впоследствии признавался — из щемящего чувства досады от бессмысленности своей работы и вместе с тем из нахлынувших на него воспоминаний детства. Зачем, спрашивал он себя, тратят время, деньги и силы на все менее перспективные попытки опознавать таким путем преступников? Почему надо цепляться за старые, до крайности несовершенные методы, в то время когда естествознание уже обнаружило «каинovu печать», которая позволяет безошибочно отличить одного человека от другого, а именно размеры его тела.

Бертильон не знал, что еще 19 лет тому назад, в 1860 г., в Бельгии начальник лувенской тюрьмы Стевенс, ссылаясь на учение Кетле, предлагал, правда безуспешно, измерять окружность головы, длину ушей и ступней, рост и ширину грудной клетки у всех взрослых преступников, не имеющих особых отклонений от нормы. Стевенс убеждал, что полученные при этом показатели нельзя будет скрыть никаким переодеванием, гримом или сменой фамилии.

Удивление и насмешки других писарей вызвал Бертильон, когда в конце июля он приступил к сравнению фотографий заключенных. Начал он с сопоставления формы ушей и носа. Еще более громким смехом была встречена просьба Бертильона разрешить ему обмерять заключенных, подлежащих регистрации. Ко всеобщей потехе, такое разрешение он в конце концов получил. Страшно ожесточившись, он за несколько недель обмерил довольно большое количество заключенных: их рост, окружность и длину головы, длину рук, пальцев, ступней. При этом он убедился, что размеры отдельных частей тела у различных людей могут совпадать, но никогда не совпадут размеры четырех или пяти частей тела одновременно.

Зной и духота августа вызывали у Бертильона тяжкие приступы мигрени и носовые кровотечения. Но этим молодым человеком, прежде, казалось бы, столь никчемным, нецелеустремленным, вдруг овладела идея. В середине августа он составил докладную о том, каким образом можно решить проблему безошибочного закрепления примет преступников. Докладная была направлена

Луи Андрие, занимавшему с марта 1879 г. пост префекта парижской полиции. Но ответа на докладную так и не последовало.

Бертильон продолжал свою работу. Ежедневно до начала службы он отправлялся в тюрьму Сантэ. Там ему разрешали — к вящему удивлению и веселью заключенных — производить свои измерения.

1 октября 1879 г. Бертильон получил повышение по службе: из помощников письмоводителя его перевели в писари, — и он тут же направил префекту вторую докладную. В ней он ссылаясь на закон Кетле, согласно которому вероятность совпадения показателей роста у различных людей составляет 1:4, и при этом подчеркивал, что величина костей каждого взрослого человека не изменяется на протяжении всей его жизни. Но если данные о росте сложить с еще одним измерением — развивал свою мысль Бертильон, — например с длиной верхней части туловища, шанс совпадения уменьшится уже до 1:16. А если взять одиннадцать единиц измерения и зафиксировать их в карточке преступника, то по теории вероятности шансы совпадения размеров частей его тела с частями тела другого преступника будут равны 1:4 191 304. Располагая четырнадцатью единицами измерения, мы получим еще более низкое соотношение — 1:286 435 456. Выбор единиц для измерения — объяснял далее Бертильон — достаточно велик: можно измерять, кроме роста человека, отдельные части головы, длину различных пальцев, длину предплечья, ступней. Все существовавшие доселе описания внешности человека — резюмировал он — поверхностны и бесконтрольны; такая идентификация по внешнему виду является неполной и чревата грубыми ошибками. Так же обманчивы все виды фотографий, к тому же систематизировать их практически невозможно. Напротив, тщательный обмер преступников обеспечивает абсолютную надежность, исключает возможность обманов и ошибок. Более того, Бертильон предложил систематизацию карточек с данными измерения преступников, позволяющую за несколько минут выяснить, имеются ли уже в картотеке данные на любого вновь арестованного.

Бертильон ссылаясь на опыт своего отца, который, систематизируя данные антропологических измерений, разделял их по величинам на три группы: большую, среднюю и малую. При

таком делении — уверял он — очень просто разделить, скажем, картотеку из 90 тыс. различных карточек таким образом, чтобы любую из них можно было быстро в ней отыскать. Для этого за основу в карточке следует принять, например, длину головы и ее измерение подразделить на большое, среднее и малое; таким образом, в каждом подразделе окажется по 30 тыс. карточек. Если в них вторым измерением взять окружность головы и ее в свою очередь разбить на подразделы с величинами «большая», «средняя» и «малая», то в результате останется 9 групп по 10 тыс. карточек в каждой. А если таким же образом ввести подразделы для одиннадцати единиц измерения, то в каждом отделении картотеки останется всего от 3 до 20 карточек.

То, что Бертильону представлялось само собой разумеющимся, дилетанту на первый взгляд должно было казаться великой путаницей. Впрочем, и само изложение вопроса в докладной было более чем запутанным. Не получивший систематического образования, Бертильон так и не научился более или менее четко излагать свои мысли. Построение фразы у него было не совсем обычным, формулировки — туманны, да к тому же он бесконечно повторялся.

Альфонс Бертильон с трепетом ждал ответа префекта, так как был твердо убежден в своей правоте. Он вдруг поверил, что нашел смысл жизни и наконец сможет доказать, что он не такой уж «безнадежный случай» и не такая уж «паршивая овца» в своей семье.

В таком настроении он пребывал две недели. И вот свершилось то, чего он так напряженно ждал: его вызвал к себе префект. От волнения неловкий и скованный более обычного Бертильон с мертвенно-бледным лицом переступил порог кабинета Андрие и... пережил невообразимое разочарование. Луи Андрие был политиком из категории тех республиканцев, кого лишь связи и система торговли чинами могли привести на пост префекта полиции. Он никогда не интересовался ни статистикой, ни математикой, а его познания в столь специфичном полицейском деле были и вовсе ничтожны. Поскольку он не понял сути докладной Бертильона, то передал документ Гюставу Масэ, исполнявшему обязанности шефа Сюртэ.

Масэ имел большой опыт полицейской работы, но, будучи практиком, испытывал полнейшее пренебрежение ко всякого рода теориям и теоретикам. Из низших чинов дослужившийся

до высшего поста в Сюртэ, он еще инспектором прославился успешным расследованием дела Вуарбо — об убийстве, совершенном в Париже в 1869 г.

В колодце было найдено расчлененное тело мужчины, аккуратно зашитое в колени. Весь Париж пришел в страшное волнение. Масэ благодаря своей наблюдательности и находчивости не только сумел проследить путь этой жуткой находки, следы которой вели к портному Вуарбо, но и доказать, что именно Вуарбо в своей комнате расчленил труп. Способ, которым ему удалось все это раскрыть, свидетельствовал о блестящих дедуктивных способностях Масэ. Исходя из предпосылки, что при расчленении трупа должно было пролиться много крови, Масэ внимательно осмотрел деревянный пол в комнате портного. Однако на дочиста вымытых досках никаких подозрительных следов обнаружить не удалось. Единственное, на что Масэ обратил внимание, — это на крайне неровную поверхность пола, и велел налить на него воды. Затем в присутствии Вуарбо он поднял доски в тех местах, где вода скапливалась и медленно просачивалась под пол. Под досками оказалась запекшаяся кровь. Пораженный этим Вуарбо сознался, что убил и ограбил своего друга Бодасса, расчленив затем его труп.

Много дел раскрыл Масэ тем же дедуктивным методом, который никогда не потеряет своего значения в криминалистике. Но он настолько верил практическому опыту, практическому чутью и «фотографической памяти», что, вполне естественно, категорически отклонил докладную Бертильона. В своем ответе Андриэ Масэ отметил, что полиция не арена для показательных экспериментов всяких теоретиков. Андриэ считал позицию Масэ обоснованной, так как видел в ней оправдание своей неспособности понять предложение Бертильона.

Префект встретил Бертильона вошедшими в историю словами: «Бертильон? Кажется, вы чиновник двадцатого класса и работаете у нас всего восемь месяцев, не так ли? И у вас уже появились идеи?! Ваша докладная читается как анекдот...»

Бертильон робко пытался ответить: «Господин префект... если вы позволите...» Андриэ позволил. Но неспособность Бертильона вразумительно выражать свои мысли сказалась и здесь, к тому же его неловкость усилилась от волнения, и он оконча-